

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METODOLOGY

Научная статья | Original paper

Феномен информационно-смысло́вого поля с позиций культурно-исторического подхода

В.Т. Кудрявцев^{1, 2} ✉, К.В. Злоказов³, С.Н. Ениколопов^{1, 4},
Н.В. Мешкова¹, М.С. Рыбакова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

³ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Научный центр психического здоровья, Москва, Российская Федерация

✉ vtkud@mail.ru

Резюме

С опорой на представление о личности как системе отношений (М. Бубер, В.Н. Мясищев), соотношении видимого и смыслового поля (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), а также концепцию жизненного пространства в теории поля (К. Левин) вводится понятие «информационно-смысло́вое поле». По мнению авторов, оно позволяет наиболее полно учитывать современные тенденции влияния информации на личность и обратное влияние — личности на информацию. Предпринята попытка применить ряд ключевых идей культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и его школы для анализа феномена информационно-смысло́вого поля. Данный феномен рассматривается в рамках социальной ситуации развития современного человека, которая носит проблемный характер. Раскрываются источники ее проблемности. Предложена трехмерная модель информационно-смысло́вого поля. Подчеркивается продуктивность топологической метафоры для культурно-исторической психологии, в которой она по-своему укоренилась (например, в понятиях зоны актуального и ближайшего развития). Проанализировано значение информации в жизни и развитии личности, для которой она обладает не только инструментальными функциями. Предложенный (психологический) подход к пониманию информации основан на соотнесении теоретических представлений о понятиях «информация» и «смыл» в границах личностного мира человека. При этом проанализирован и учтен опыт других подходов к трактовке понятия «информация». По-новому раскрывается содержание понятия «информационная потребность». Раскрыт механизм образования информационно-смысло́вого поля, определены его характеристики с позиции формирующего это поле субъекта. Информация становится репрезентантой субъекта, не только в значении цифрового следа истории ее поиска, но в более значимом ключе отражения преобладающей направленности личности, ее доминирующего состояния, социальных и асоциальных потребностей. Прослежен процесс построения информационно-смысло́вого поля в форме (1) получения информации (обусловленной удовлетворением информационной потребности), (2) переработки информации (опосредованной когнитивными возможностями личности) и (3) применения информации личностью. Кратко описаны pilotный вариант опросника для оценки психологических параметров информационно-смысло́вого поля и результаты его апробации.

Ключевые слова: информационно-смысло́вое поле, социальная ситуация развития, смысловое поле, реальное (видимое) поле, трехмерная модель информационно-смысло́вого поля, переживание, сознательность, общность, психологическое поле, личность, информация, смысл, опросник информационно-смысло́вого поля

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 25-18-00486 «Эффекты влияния асоциальной креативности на формирование информационно-смысло́вого поля в условиях проблемности социальной ситуации развития современного человека (2025–2027)» <https://rsrf.ru/projekt/25-18-00486>.

Для цитирования: Кудрявцев, В.Т., Злоказов, К.В., Ениколов, С.Н., Мешкова, Н.В., Рыбакова, М.С. Феномен информационно-смыслового поля с позиций культурно-исторического подхода. *Cultural-Historical Psychology*, 21(2), 73–87. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210207>

The phenomenon of the information-meaning field from a cultural-historical perspective

V.T. Kudryavtsev^{1, 2} , K.V. Zlokazov³, S.N. Enikolopov^{1, 4},
N.V. Meshkova¹, M.S. Rybakova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

³ Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

⁴ Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation

 vtkud@mail.ru

Abstract

Based on the concept of personality as a system of relationships (M. Buber, V.N. Myashishchev), the relationship between the visible and meaningful fields (L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev), as well as the concept of life space in field theory (K. Lewin), the notion of the information-meaning field is introduced. According to the authors, it allows for a more comprehensive consideration of modern trends in the influence of information on personality and the reciprocal influence of personality on information. An attempt has been made to apply a number of key ideas from the cultural-historical approach of L.S. Vygotsky and his school to analyze the phenomenon of the information-meaning field. This phenomenon is examined within the framework of the social development situation of the modern individual, which is characterized by a problematic nature. A three-dimensional model of the information-meaning field is proposed. The productivity of the topological metaphor for cultural-historical psychology is emphasized, in which it is rooted in its own way (for example, in the concepts of the zone of proximal development and the zone of actual development). The significance of information in the life and development of personality is analyzed, for which it possesses not only instrumental functions. The proposed (psychological) approach to understanding information is based on the correlation of the theoretical concepts of “information” and “meaning” within the boundaries of a person’s personal world. At the same time, the experience of other approaches to interpreting the concept of “information” has been analyzed and taken into account. The content of the concept of informational need is revealed in a new way. The mechanism of the formation of the information-meaning field is revealed, and its characteristics are defined from the perspective of the subject who shapes this field. Information becomes a representative of the subject, not only in the sense of a digital trace of its search history but also in a more significant way as a reflection of the prevailing orientation of the personality, its dominant state, and social and asocial needs. The process of constructing the information-meaning field is traced in the form of (1) obtaining information (driven by the satisfaction of informational needs), (2) processing information (mediated by the cognitive capabilities of the individual), and (3) applying information by the person. A brief description of a pilot version of a questionnaire for assessing the psychological parameters of the information-meaning field and the results of its testing are provided.

Keywords: information-meaning field, social development situation, meaning field, real (visible) field, three-dimensional model of the information-meaning field, experience, consciousness, commonality, psychological field, personality, information, meaning, questionnaire of the information-meaning field

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-18-00486, <https://rscf.ru/project/25-18-00486>.

For citation: Kudryavtsev, V.T., Zlokazov, K.V., Enikolopov, S.N., Meshkova, N.V., Rybakova, M.S. (2025). The phenomenon of the information-meaning field from a cultural-historical perspective. *Cultural-Historical Psychology*, 21(2), 73–87. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210207>

Введение

Мир первой трети 21 столетия характеризует расхождение информации и смыслов, даже если информация репрезентируется «со значением». За этим стоят не просто противоречивые отношения значения и смысла, которые подробно описаны в психологии, психолингвистике, лингвистике и других дисциплинах. Людям, в том числе исследователям, не явлена суть современной социальной ситуации (точнее социальных ситуаций) развития, в которой складываются эти отношения и внутри которой возникает особое информационно-смысловое поле, конструируемое индивидуальными и групповыми субъектами (общностями). В значительной степени этот процесс протекает стихийно — настолько, что возникает впечатление его бессубъектности. Культурно-исторический подход Л.С. Выготского и его школы позволяет проникнуть в его природу, условия и закономерности протекания. Данная статья содержит попытку взглянуть на него с опорой на идеи культурно-исторической психологии.

Проблемность социальной ситуации развития современного человека

Как известно, Л.С. Выготский в работе «Проблема возраста» (Выготский, 1984а) рассматривал понятие социальной ситуации развития (далее ССР) в рамках психологии развития, а именно детской психологии. Для каждого возраста, считал он, складывается особое отношение ребенка к миру, который изначально задан ему в человеческих категориях, категориях исторически развивающейся культуры, носителями которой являются другие люди, в первую очередь взрослые. По Выготскому, это динамическое отношение, оно меняется не только от возраста к возрасту, но и внутри одного возраста. Его нельзя вывести из внешней среды или самих по себе психологических особенностей ребенка, поскольку ССР наполнена переживанием прожитого в ней. Это переживание Выготский трактовал как единицу личности и среды, если их рассматривать в развитии (там же). В отношении к становящейся личности меняется, развивается и среда. Это принципиальный вывод, не всегда принимаемый во внимание.

На наш взгляд, существует возможность расширения понятия ССР за рамки детской, возрастной психологии — применительно к тем задачам, которые решает человек и человечество в целом. По Выготскому, ССР предполагает самоизменение ребенка в меняющейся действительности. Это не просто освоение новых знаний, умений и навыков, даже формирование которых продиктовано новой ситуацией, а преобразование самой этой ситуации в содействии с другими людьми. Ситуации, которая приобретает форму «задачи возраста» (Э. Эриксон), имеющей характер открытой проблемы. В таком виде она и переживается ребенком. Эта тема заслуживает специального анализа, и мы ограничимся лишь некоторыми доводами.

Что первоначально характеризует ССР при поступлении ребенка в школу? По Д.Б. Эльконину (Эльконин, 1989), — необходимость усвоения особых, научных, знаний, в отличие от дошкольных и особого уклада, правил школьной жизни. Сегодня в эпоху раннего «квазишкольного» обучения вчерашний дошкольник часто «не замечает» перехода к освоению «школьных понятий», многое воспринимается им как уже известное («это мы проходили»), и вскоре наступает пресыщение учением. Другое дело — школа как система новых социальных отношений. Он сталкивается с иным миром взрослых (учителем, представителей школьной администрации), требования которых не очевидны; не ясно, что можно, а чего нельзя ожидать от них. Да и сверстники, с которыми ходил в садик или гулял во дворе, становятся какими-то «необычными», «знакомыми незнакомцами» — они теперь школьники. Хотя они и испытывают ту же проблемность новой ССР, им предстоит заново объединиться в общность и найти свое место в ней, когда не выручает даже старая дружба.

Но нечто подобное испытывают и взрослые 21 века, когда весь мир становится «школой будущего уже сегодня» с неясными «правилами общежития». Речь идет не просто о сложной и динамичной неопределенности современного мира, которая подчас скрывается за технологичными упрощениями способов деятельности. Речь идет о поисках человека и социальных групп своей идентичности, привычные ориентиры для которого сбиты, об их готовности к трансформации собственной идентичности в неожиданных направлениях при сохранении базовых ценностей «человеческого в человеке». «Поиски себя» не должны оборачиваться самоутратой. Это означало бы «антропологическую катастрофу» (М.К. Мамардашили). Не сама по себе аномия в условиях глобальной либерализации жизни людей 21 века толкает их на подобные поиски, усложняя и ужесточая задачи социальной идентификации. В «индивидуализированном обществе» (З. Бауман) самоизменение становится не просто нормой, а особой *задачей, проблемой для человека*, культурно значимой формой социального творчества. В этой ситуации особое значение приобретает преадаптивность (А.Г. Асмолов) — готовность действовать не только в сфере возможных сценариев деятельности, но и невозможных, которые, в принципе, не могут быть воплощены в текущих обстоятельствах жизни, утверждая в этом универсальные ценности культуры, т. е. свою человеческую сущность, скрытую под напластованиями изменчивых явлений современности. «Кризис идентичности» уже давно перестал быть возрастным. Собственно, он всегда был вневозрастным, но уже в конце 20—начале 21 века человек убедился в том, что главной «болезнью роста» является сам рост, а рост — это не болезнь, а залог существования жизни. Иное дело, что под это убеждение не всегда удавалось «подвести» глубокую и ответственную рефлексию: в итоге, коллективная ностальгия по старому добруму миру переплетается с рискованными экспериментами над человеческой

сущностью. Оно только сейчас становится центром самосознания культуры, и психология может сыграть решающую роль в этом процессе.

К слову, Л.С. Выготский творил в эпоху такого же мощного социального перелома, который, к тому же, сопровождался смелыми, невиданными, реформаторскими экспериментами в образовании. А в заключение «Исторического смысла психологического кризиса» (Выготский, 1982) отмечал, что именно такие переломы благодатны для роста научного психологического знания.

Можно говорить о двух Ренессансах. О первом пишут в школьных учебниках. Его ключевой мотив общеизвестен — утверждение человека в качестве универсального преобразователя мира. Второй Ренессанс пришелся примерно на первую треть 20 века. Его смыслообразующая идея — преобразование самого человека. Оба Ренессанса протекали на изломах истории, порой в сверхжестких исторических обстоятельствах, и их не стоит идеализировать и тем более романтизировать. Наука налагает запрет на это и требует мыслить диалектически. Да, в смысловом фокусе Возрождения Человек — в ореоле расцвета наук и искусств, но он же — и на костре на римской площади «Поле цветов» в лице Джордано Бруно, во времена так называемого Высокого Ренессанса (1660 г.). Это период Итальянских войн с вовлечением многих европейских государств, период одной из самых длительных междуусобиц — 30-летнего противостояния Алой и Белой Розы в Британии, первоначальной колонизации мира и т. д. и т.п. Но главное обретение этой эпохи — осознание ценности человеческой личности как «всеобщей индивидуальности» (по Гегелю), что подробно раскрыто в известной книге Л.М. Баткина (1989).

Второй Ренессанс падает на первую треть 20 столетия. Этот период включает в себя Первую мировую, «Серебряный век» русской культуры, все формы европейского модернизма, становление психоанализа, революции в физике (рождение квантовой механики и оформление общей теории относительности) и... политические революции в России. В некотором (важном) смысле — это феномены, закономерно вовлеченные в один круг исторических событий. Смысловой лейтмотив «второго Ренессанса», который связывает его преемственными узами с первым — преобразование самого преобразователя мира — самоизменение человека в его многообразных реализациях. Постреволюционная идеология в СССР — формирование «нового человека», который надеялся буквально титаническими качествами. Но у каждого Ренессанса, как водится, были и свои реальные титаны. К титанам «второго Ренессанса», несомненно, относился Л.С. Выготский, заявивший о себе в этом статусе уже как автор диссертации «Психология искусства» (1925). Выготский придерживался идеологии формирования (не формовки!) нового человека и даже дал ей научно-психологическое обоснование в том же «Историческом смысле психологического кризиса» (Выготский, 1982).

Мы не историки, но с психоисторической точки зрения, допустимо предположить, что исторический шлейф «второго Ренессанса» простерся на весь двадцатый век и охватил первую третью двадцати первого с усилением экспрессивной доминанты процессов самоизменения, «поисков себя» внутри новой человеческой общности, которая еще не сложилась, поскольку пребывает в поисках критериев собственной идентичности. На вопрос «Кто я, где и зачем?» можно ответить лишь в рамках ответа на вопрос «Кто мы и что нас связывает?».

Современный человек — почти Гамлет, он ощущает распад связи времен, но во внешнем мире. Тогда как Гамлет трагически испытывал этот распад внутри себя и своего ближайшего окружения. В этом смысле анализ его истории в «Психологии искусства» Выготского (Выготский, 1987) сегодня более чем актуален и поучителен. ССР (точнее, многообразие ССР) современного человека, может быть, не столько трагична, но остро проблемна. Понятия и метафоры «транзитивность», «социальная турбулентность», «социальная сверхтекучесть», «ускользающий мир» (Э. Гидденс) и др. характеризуют то, что творится вовне, и не схватывают переживания проживаемого момента истории. И ничего не говорят о смыслах самоизменения в меняющемся мире, порой оправдывая неизбежность деструктивных процессов в общественной и индивидуальной жизни.

Мы полагаем, что понятие информационно-смыслового поля, возникающего в рамках социальной ситуации развития человека, позволяет отчасти преодолеть эту тенденцию в науке и практике жизни.

Трехмерная модель информационно-смыслового поля

Мы наблюдаем эпоху стремительного развития информационных технологий и других инструментов коммуникации, благодаря которым формируется уникальная ситуация, кардинально меняющая привычное восприятие человеком своего жизненного пространства. Границы между регионами, странами и даже континентами утрачивают свое физическое значение и превращаются скорее в условные рубежи. Человек получает доступ к информации (новости, аналитика, мнения экспертов и обывателей) практически в режиме реального времени. Этот процесс оказывает глубокое влияние на степень осведомленности, вовлеченности и возможность взаимодействия не только человека с человеком, но и человека с глобальными событиями и бытовыми обстоятельствами по всему миру.

Под информацией мы будем понимать, с одной стороны (в самом широком смысле слова), фундаментальные проявления динамических свойств этого мира, а с другой стороны — любые сведения, передаваемые посредством знаков — как искусственно созданных стимулов, позволяющих вызывать в сознании человека образ объекта. С опорой на пред-

ставления Л.С. Выготского можно сказать, что знаки служат своего рода орудиями, позволяющими человеку воздействовать на других людей, формируя при этом индивидуальное и общественное сознание (Выготский, 2004). В основе этого лежат новые формы самоотношения человека внутри культуры. Культурные инструменты двунаправлены, «кентавричны» (Ф.Т. Михайлов). Срабатывает старая философская идея (Гегель и Маркс лишь артикулировали ее): изменение обстоятельств при помощи новых средств опирается на глубинное самоизменение коллективного и индивидуального субъекта. Оно констатируется философами, социологами, культурологами, психологами, — это лейтмотив философии и специальной гуманитаристики 19-го и, особенно, 20-го веков, — но его конкретные формы изучены слабо. В новейшей истории разрыв «информации» и «смыслов» разрастается и обостряется. Попытки строить объяснения исходя из усложнения технологической инфраструктуры, которая требует радикального «самоизменения человека», малопродуктивны. Это ничем не лучше «социального бихевиоризма».

Кроме того, завершается первая треть 21 века, мы давно живем в нем, и «дигитальный мир» не бросает никаких «вызовов»: уже как минимум 2 поколения выросли в ежедневном соприкосновении с виртуальной реальностью. А мы продолжаем испытывать Тофлеровский «шок от будущего» (наступившего), конструируя немыслимые объекты вроде «цифрового детства», «цифрового субъекта» и даже «цифровой личности»! В то время как мир уже свыкся с жизнью в Mixed Reality (MR) — смешанной реальности. Гуманитаристика (включая психологию) отстает не просто от глобальных трансформаций человека, человеческих общностей, социальности и культуры, «плетясь в хвосте» их «инфраструктурных» изменений. Впрочем, это отставание испытывает не только наука, но и сам современный человек. Отсюда и «компенсаторно-игровое» увлечение ИИ, нейросетями и т. д. на бытовом уровне. Увлечение на грани мифологизации. ИИ и нейросети уже идентифицируют с субъектами. Типичный газетный заголовок: «Нейросеть сняла кино», а не «Кино сняли при помощи нейросети». Вопрос о критериях субъектности — не к ИИ, а к его творцу. Симптоматично, что результаты выдающихся научно-технологических прорывов очень скоро, порой молниеносно с исторической точки зрения, становятся гаджетами (это французское слово, а не английское, в старину обозначавшее «безделушку» для развлечения взрослых, вроде механических певчих птичек в клетках или фигурки Маннекен-Писа, «писающего мальчика», в Брюсселе). Для нынешнего мира это нормально. Но это и упрощает его картину, стирая в общественном сознании грань между житейскими представлениями о мире и его научным пониманием.

Совсем недавно лавочки у подъездов российских городов были заполнены пожилыми людьми, в основном женского пола. Это были целые «дворовые клубы». Сейчас их нет. Нет смысла куда-то спускаться. С другой из соседнего подъезда или внуками из

другого города можно пообщаться по мессенджеру. Пустые лавочки — самое достоверное свидетельство ИТ-прогресса. Или чего-то другого, что произошло в иной сфере — смешанной реальности, что не имеет прямого отношения к ИТ? Поколения и сблизились, и разошлись: для рефлексии оснований их взаимоотношений произошла явная задержка в развитии самосознания человечества. Рупоры этого самосознания — философы и другие аналитики — впадают либо в аларизм, либо в защитное самоуспокоение, звучащее в термине «новая нормальность». А когда была «старая»? Были «исторические передышки», когда определенный строй конвенционально исповедовался некоторое время, хотя казалось, что испокон и навечно. История не знает «литических» и «критических» периодов, о которых писал Выготский, если речь не идет об архаических обществах с их постфигуративными, по квалификации Маргарет Мид (Мид, 1982), культурами, где традиционные образцы «консервируют» образ жизни на тысячелетия (и то история вносит в него определенные корректизы — см. ниже).

А игра — социальная школа нормотворчества — на фоне с каждым веком пролонгирующегося взросления в истории человечества и онтогенезе человека (ВОЗ продлила молодость до 42 лет) — атрибут истории человечества.

Нидерландский историк и философ Йохан Хейзинга в книге «*Homo ludens*» («Человек играющий») (Хейзинга, 1992) рассматривал культуру, культурную жизнь как своего рода игру с правилами. Там, где правила нарушаются, замечал он, гибнет культура. Многих в концепции Хейзинги, по понятным причинам, привлекает «игра», а не «правила». Но сейчас не об этом.

Правила, нормы историчны, как и формы их нарушения, которое будет всегда, пока есть нормы, а значит, — покуда существует культура. Ее самоотрицание — в ней же, а не в сторонних «варварах». Такова диалектика. Диалектическая плата за культуру.

Человечество даже не подозревает, сколько норм разрушило, двигаясь в исторической перспективе (здесь, конечно, имеются этнокультурные различия). Чем-то можно и нужно было поступиться, в силу жизненной необходимости. С точки зрения архаических обществ каннибалов, современный европеец со своими ценностями немыслим. Каннибализм для них сакрален, он — часть священного культа, ритуала, утверждающего их в их человеческой сущности и добродетели (наделение силой при поедании), как они ее определяют. Но даже в мифологическом сознании возможна (и порой необходима) замена себе подобного, например, на тотемное животное, которое приносится в жертву. Одному из авторов статьи местные жители — представители одного северного народа рассказывали про охоту на медведя. У охотников еще в 30-е годы прошлого века был такой обычай: на пенек ставили бутылку водки и клади пачку папирос «Беломор» (советское привнесение) — ждали тотемного родственника «в гости», а потом уж убивали (подобные иллюстрации можно найти в работах известных

этнографов, изучавших угорскую и ненецкую традиционную культуру, — К. Карьялайнена (Карьялайнен, 1995), Т. Лехтисало (Лехтисало, 1998) и др.).

Не забудем, что игра — культурно-историческая производная от мифа, культа, обряда, ритуала, вплетенных в повседневный труд. Именно их генетическое единство создавало внутри человеческой деятельности и системы взаимоотношений по поводу и внутри нее то, что мы называем информационно-смысловым полем. Но уже как «луденс» человек знает, чем (когда и где) заведомо нельзя поступаться, а чем можно. Эта способность формируется уже в развитой игре ребенка-дошкольника (как ведущей деятельности возраста), где на смысловом уровне выдерживается граница «всамделишного» и «понарошку». В «категориях» («предкатегориях», по Н.Н. Поддъякову) своего детского разума через общение со значимыми людьми, взрослыми и сверстниками, ребенок стихийно переплавляет в формы индивидуального опыта коллективную совесть (со-весьть) человечества. И по мере этого начинает поступать «личностно».

М. Бубер в своем труде «Я и Ты» утверждает: «Личность проявляется тем, что вступает в отношения с другими личностями. <...> Тот, кто состоит в отношении причастен к действительности, то есть к бытию, которое присутствует не только в нем и не только вне его. Всякая действительность есть действие, в котором яучаствую, но которое не могу присвоить» (Бубер, 2025, с. 295). В идеях философа пространство значимых отношений возникает не как разграничающее «между», а как слияющее «вместе». Личность как систему отношений рассматривал и отечественный психолог В.Н. Мясищев. Он считал, что направленность личности определяется ее избирательным (условно положительным или отрицательным) отношением к различным сторонам действительности, а мерой выражения отношения является поступок, т. е. практическое действие (Мясищев, 2024, с. 109) (Ср. формулу А.Н. Леонтьева: «начало личности — поступок»).

В общении как процессе *порождения* общности людей (через «производство общего» для них, по В.А. Петровскому) всегда складывается, ищется (а не задается наперед как значение, к которому еще нужно прийти) некоторый смысл. Вокруг него строится содержание общения, и именно им наполняется человеческая коммуникация. Его общее содержание, вокруг которого это общение строится. Понятие «смысл» обладает двойственной природой, поскольку одновременно включает в себя объективные характеристики коммуникации (знаков, символов) и их субъективную интерпретацию и восприятие человеком. В первом случае мы имеем дело со значением, во втором — с контекстом.

Л.С. Выготский (Выготский, 2005) не без влияния К. Левина (см. ниже) различал «реальное (видимое) поле» — как пространство, где господствует реальное действие с реальным предметом, и «смысловое поле» — как осознаваемую человеком актуальную ситуацию действия (содействия), где нужно заново

владеть своим поведением. При этом смысл рассматривался как то, что входит в значение, но не закреплено за знаком. Анализируя соотношение значения и смысла (в рамках психолингвистического понимания проблемы), Л.С. Выготский отмечал феномен влияния смыслов друг на друга (Выготский, 2005). Например, такие слова, как «Война и мир», отражают смысловое содержание целого произведения, а не только их прямое значение.

«Вид предмета осмысливается значением...», писал в своих конспектах к лекциям по психологии игры Л.С. Выготский (Выготский, 1978, с. 289). Яркую иллюстрацию этого мы находим в статье А.С. Мигунова (Мигунов, 2000).

В доме приятное волнение: ждут гостей. Эмоции взрослых передались и маленькому сынишке-дошкольнику. Взрослым не до него, надо готовиться к встрече, а он «крутится под ногами», что-то высказывает, что-то комментирует. Родители, пытаясь занять малыша, усаживают его рисовать. Ребенок рисует две расходящиеся полосы. Родители интересуются:

- Что это?
- Дорога.
- А почему она расширяется вдали?
- Так ведь оттуда будут ехать наши гости!

«Вид предмета», фрагмент образа мира наполняется новым смыслом, который позволяет буквально «расширить» его границы. Ожидание события — это ожидание других значимых людей, и оно объективируется в детском рисунке. В способе изображения проступает смысловое видение действительности. Этим приемом сознательно пользуются художники. «Кругозор» — это не объем вещей в поле зрения, а богатство смыслов предстоящего события, участниками которого предстоит стать значимым другим, в тенденции — «обобщенным другим» (по Дж.Г. Миду).

Ученик Выготского А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1975) развернул проблему понимания смысла в сторону переживания отношения к тому или иному явлению действительности. Всякое отношение окрашено оценочностью: нельзя относиться как-нибудь. Российский психолог А.А. Климов в своих лекциях отмечает: «Самая большая ложь, которую может произнести человек: мне все равно. Здоровому человеку не может быть все равно. Ему что-то нравится и что-то не нравится. Он что-то хочет и что-то не хочет, и делает это с разной силой». Проблема смысла была вынесена из плоскости сознания в плоскость реальных жизненных отношений, а сами смыслы стали результатом переживания соотношения того, что мы считаем собственным Я с тем, что обнаруживаем в этом мире. Смысл не заключен в субъекте и его переживаниях, он находится всегда за его пределами и связывает субъект и его переживания с контекстом. Вопрос о порождении смысла — это вопрос о контекстах (факторах), которые влияют на восприятие, принятие решений и поведение людей. К таким факторам, конечно, относится и информация.

Идея о том, что поведение человека в любой момент времени проявляется в рамках существующих

параметров жизненного пространства, нашла свое отражение в теории поля К. Левина (Левин, 2000). Согласно его представлениям, свойства жизненного пространства частично зависят от состояния личности (как продукта своего собственного развития), частично от ее физического и социального окружения. В теории поля особое значение имеет то, как происходит *анализ ситуации*. Вместо того, чтобы выбирать тот или иной элемент и изучать его изолированно от других, считается полезным и необходимым начинать анализ с целостной характеристики ситуации. Сам Левин писал, что теорию поля едва ли можно назвать теорией в обычном смысле этого слова. Он считал, что ее лучше охарактеризовать как метод анализа причинных связей и построения научных конструктов. Стоит отметить, что в те времена, когда разрабатывалась теория поля, жизненное пространство личности имело гораздо меньшие масштабы, чем в наши дни. Просто потому, что возможность взаимодействия с остальным миром физически была довольна ограничена. Те сферы, которые были значимы, интересны, доступны или актуальны размещались в границах (пусть и условных) психического поля, а весь остальной мир беспокоил человека постольку-поскольку.

В современном мире в условиях глобализации и технологического прогресса информация приобретает особое значение, что делает ее важнейшим фактором формирования поведения, деятельности и социального взаимодействия. К. Левин в своих работах не уделял значительного внимания этому понятию как отдельной категории. Однако стоит признать, что в контексте теории поля информация выступает как один из факторов, влияющих на состояние жизненного пространства личности. Получение, обработка и интерпретация информации способствует формированию новых мотивов, целей и установок, что приводит к изменению «силового ландшафта» и, соответственно, к новым моделям поведения. В социальной сфере информация становится не только средством коммуникации, но и каналом влияния на людей, способом трансляции социальных значений с целью формирования социальных связей в динамике меж- и внутригрупповых взаимодействий.

Между тем информация не только передается, циркулирует, но и генерируется в рамках определенных социальных ситуаций развития. Этот момент упомянут в ее кибернетических, теоретико-информационных и прочих трактовках, но принципиален с психологической, социологической, культурологической, исторической и, в целом гуманитарной точек зрения.

В 1922 г. Велимир Хлебников написал эссе-утопию «Радио будущего» (Хлебников, 1986). Сегодня признано, что в нем он с порой обескураживающей точностью предвосхитил Интернет: «Радио отпечатало сегодня повесть любимого писателя, статью о дробных степенях пространства, описание полетов и новости соседних стран. Каждый читает, что ему любо»; «В каждом селе будут приборы слуха и железного голоса для одного чувства и железные глаза для другого» и т. д. У Хлебникова люди воспринима-

ют информацию из радиотарелок. Но в этом ли суть? Речь идет не о технико-технологическом чуде, а о том, что в корне, что не менее «чудесно», меняет сознание человеческой общности. Сравнительно недавно до возникновения мировой Сети, в 1984 г. Милорад Павич еще «на бумаге» реализовал технический принцип того, что в 60-х гг. Тед Нильсон назвал гипертекстом (правда, некоторые считают первым гипертекстом Св. Писание). Мы имеем в виду знаменитый роман Павича «Хазарский словарь» (Павич, 2022). В отличие от этого замечательного писателя, Хлебников опередил время на 70 лет, уловив дух одного из главных откровений XX века. А в «аспекте духа» все выглядит несколько более возвыщенно, принимает черты идеального, должного («главное дерево сознания», «духовное солнце страны», «великий чародей» и т. п.). Хлебников в своей утопии представил описание не столько «идеального» Интернета, сколько Интернета вообще. Но связал его с духовными метаморфозами, изменением личностного способа жизни человека в новой человеческой общности. И, по сути, описал его новую социальную ситуацию развития.

Следуя представлениям о личности как системе отношений (М. Бубер, В.Н. Мясищев), идеям видимого и смыслового поля (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), а также концепции жизненного пространства в теории поля (К. Левин), в целях уточнения и расширения существующих подходов нами введено новое понятие — **информационно-смысловое поле**, которое позволяет наиболее полно учитывать современные тенденции влияния информации на личность и личности на информацию.

Информационно-смысловое поле — это динамическая система, объединяющая жизненное и психическое пространство субъекта(ов) и определяющая условия восприятия, интерпретации и реорганизации информации через отношение и поведение субъекта(ов). Эта система формируется под воздействием личностных особенностей, жизненного опыта, культурных контекстов и социальных взаимодействий субъектов, создавая и объединяя внутреннее и внешнее «пространство смыслов» через сигнификацию — как инструмент управления информацией и регуляции поведения. Мы говорим о смысловом поле личности внутри бесконечно разных типов общностей, за счет включения в которые беспрецедентно расширяется современный мир. Это значит, что информационно-смысловое поле личности всегда имеет трансперсональный характер, возникает, складывается и существует в глобальной системе «отраженных субъектностей» (по В.А. Петровскому). Это и задает его топологию.

Вводимое понятие аккумулирует в себе достижения предшественников и позволяет представить отношение между личностным, информационным и смысловым аспектами в качестве объемного системного явления, образованного тремя психологическими категориями: сознательность, активность и поведение. Такой подход к пространственному анализу информационно-смыслового поля обладает особыми преимуществами. Во-

первых, внутри каждой плоскости отражены наиболее существенные единицы анализа понятия. Во-вторых, логика трехмерной модели позволяет обнаружить меж-

ду тремя плоскостями результирующее пространство, отражающее динамическое развитие информационно-смыслового поля (см. рисунок).

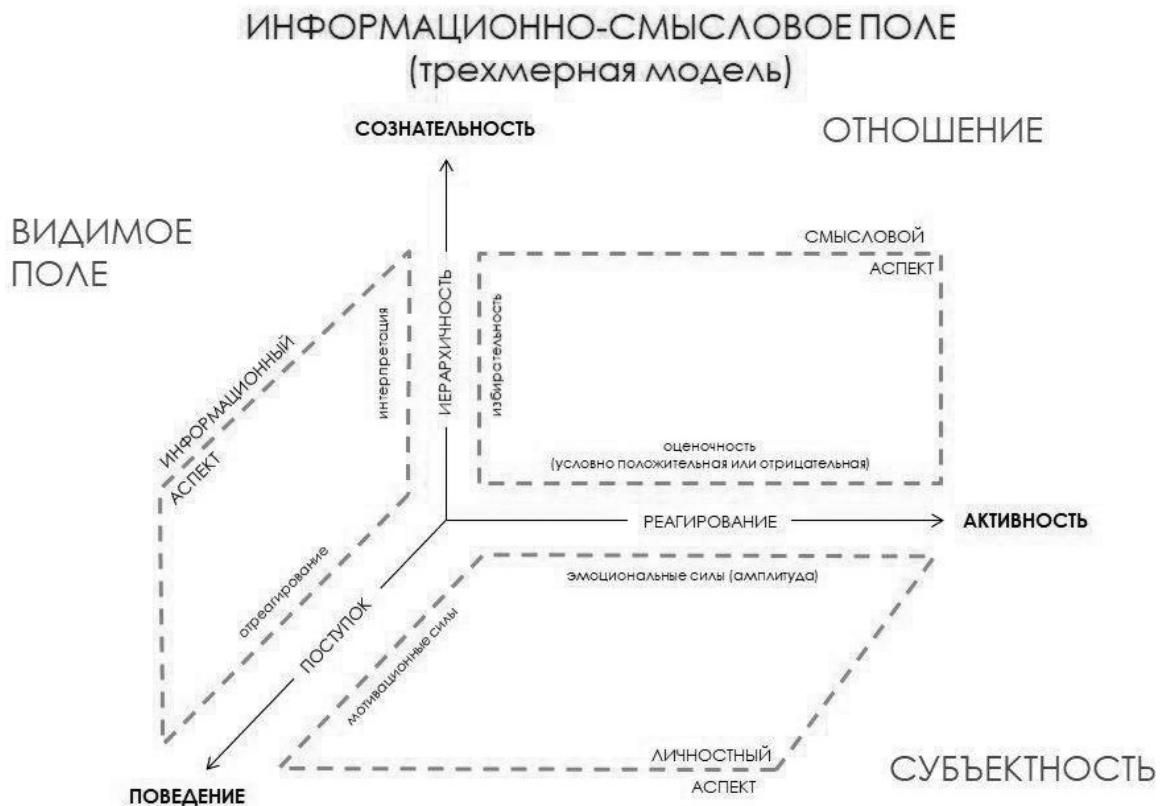

Рис. Модель информационно-смыслового поля

INFORMATION AND SEMANTIC FIELD (three-dimensional model)

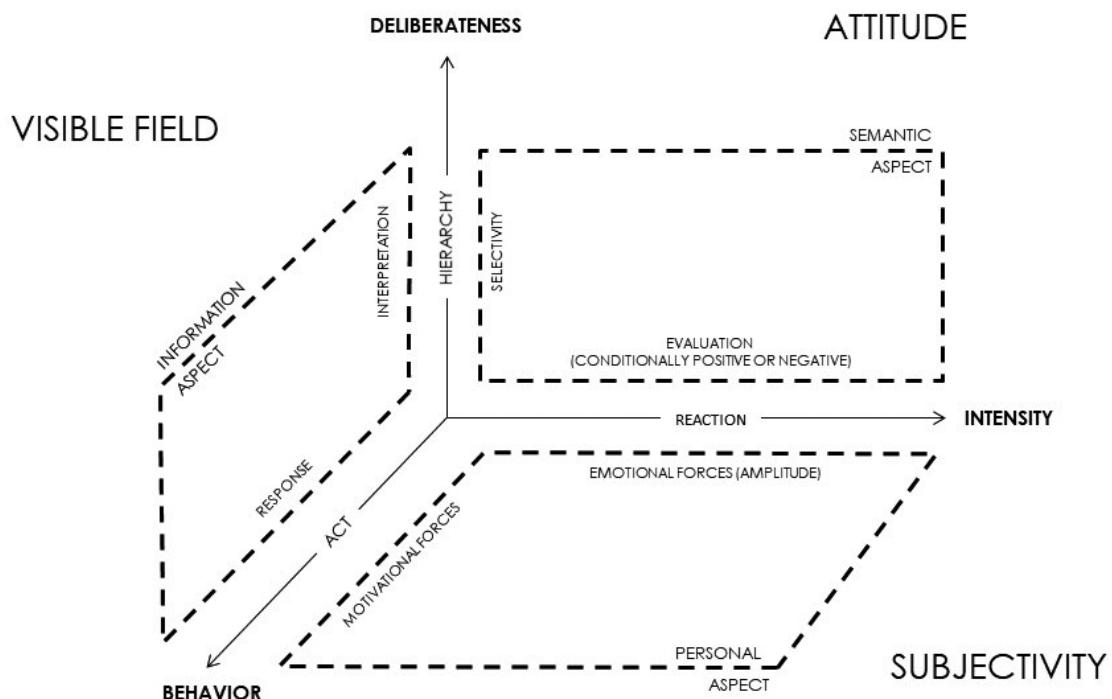

Fig. Model of the information-meaning field

Субъект, как адресат, пользователь, преобразователь, генератор и поставщик информации, интерпретирует ее, исходя из собственной способности проявлять избирательность и выстраивать иерархию интересов и отношений. Информационно-смыслоное поле позволяет понять природу вариативного осмыслиения обще значимых аспектов человеческой жизни при помощи особых инструментов сигнификации, которые не всегда даны в готовом виде, что естественно для любой социальной ситуации развития, тем более проблемной. Условно положительное или условно отрицательное оценивание информации как фактора, влияющего на систему поля, создает напряжение и высвобождает энергию в виде эмоционального «отреагирования» некоторой интенсивности. Выраженность переживания отношения в сочетании с личностными особенностями субъекта служит драйвером мотивационных процессов. Так, отношение реализуется в поступке в качестве смыслового отношения к той или иной информации. Чем сознательней поступок, тем в большей степени можно говорить о выраженности отношения.

Информационно-смыслоное поле личности: от ревизии представлений к исследованию

Изучение «полей» для психологической науки стало традиционным способом познания личности, а топологическая метафора присутствует в большинстве классических психологических теорий. В работах психоаналитиков психика человека дифференцирована уровнями, в гештальт-психологии поле осознания «фигуры» ограничивает его от неосознаваемого «фона», в ранних социально-психологических теориях «Я» личности отделяется от социальных «Я», образующих его периметр во взаимодействии с обществом¹. В культурно-исторической психологии топологическая метафора нашла применение в объяснении ключевого принципа развития ребенка — различия актуального уровня и зоны ближайшего развития (Выготский, 1983, с. 265). Продуктивность пространственной аналогии видится в ее применимости не только для диагностики сотрудничества ребенка со взрослым, но и для обнаружения двух планов этого сотрудничества, вначале интерпсихического (совместного со взрослым), затем интрапсихического — самостоятельного (Выготский, 2005, с. 355). Поле пространственного взаимодействия ребенка со взрослым раскрывает внутреннюю архитектуру способности ребенка к новому для него действию, демонстрирует ее сформированность в проявлениях целенаправленности и самостоятельности. Но более важной в русле выполняемого нами исследования является предложенная Л.С. Выготским идея «психологического поля», присущего знаку, которое «... ведет к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» (Выготский, 1984б, с. 50). Проведение символических операций

позволяет сформировать содержание психологического поля независимым от предметных свойств вещи и не связанным с ситуацией взаимодействия с нею, «...но набрасывающего эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации» (там же, с. 15).

Идея психологического поля значений, сопровождающего процесс познания личностью окружающего мира и выступающего основанием ее деятельности, представляется чрезвычайно плодотворной для анализа личности, существующей в условиях информационной эпохи. Виртуализация многих практик обыденной жизни, цифровизация бытовых и социальных функций требует осмыслиения их влияния на личность и, в первую очередь, — личность формирующуюся. Влияние новых культурно-исторических условий существования личности, задаваемых в том числе и высокотехнологичными устройствами, может быть зафиксировано с помощью значений, рожденных, обобщаемых и используемых ею в повседневности.

Однако проведение этой операции требует ревизии психологического поля значений, воспринимаемых личностью, во-первых, с позиции их информационной основы, во-вторых, с точки зрения ее осмыслиения личностью (Кудрявцев, 2023). Таким образом, выполнение анализа невозможно без разработки идеи информационно-смыслоового поля, которое является для личности носителем значений и при этом выступает результатом их восприятия.

Поэтому наша цель — представить концепцию информационно-смыслоового поля личности, построенную на основе обобщения теорий восприятия информации человеком, концепций информационных и смысловых пространств через призму культурно-исторической психологии.

Результатом анализа в статье является концептуализация идеи об информационно-смыслоевом поле личности как представлении личности о значении воспринимаемой ею информации для решения задач взаимодействия с обществом. Определение информационно-смыслоового поля как совокупности процессов восприятия, оценки и использования информации позволяет перейти к ее операционализации, делая доступной для изучения область психологического поля значения, а также личность — как субъекта его построения. Таким образом, решение задачи обогащает информационно-смыслоевое поле личности.

Построение концепции предполагает раскрытие механизма образования информационно-смыслоевого поля и определение его характеристик с позиции формирующего его субъекта — личности. Поэтому в качестве теоретических предпосылок нами рассматриваются теории использования информации человеком, а также концепции восприятия и понимания личностью ее значений — осмыслиения.

¹ Терминология поля имела и не подтвердившийся физикалистский подтекст, выразившийся в терминах «энергия», «сила притяжения», «сила отталкивания».

Потребность в информации рассматривается в числе ключевых потребностей современного человека, в полной мере конкурирующей с потребностями, имеющими онтологическое значение. Конечно, информация неотделима от любой потребности, однако потребность в информации для современного человека фактически обобщила собой бытийные потребности (Соколов, 2013). С начала 70-х годов зависимость личности и общества от информации изучается в рамках предложенного R. Taylor понятия «информационная потребность» (Taylor, 1962). К настоящему времени значение информации возросло настолько, что ее принято рассматривать в качестве ресурса, а ее производство, обработка и транспорт выступают предметом профессиональной деятельности (Цветков, 2017).

Конкретно-операциональное значение потребности в информации заключается в необходимости ее получения субъектом для достижения цели. В таком ее значении можно согласиться с предложенной А.В. Соколовым формулой объективации потребности в информации в виде разницы между требующимися знаниями и знаниями, имеющимися у субъекта (Соколов, 2002).

Потребности субъекта в информации подразделяются: а) на информацию в виде прикладных (практических) знаний для достижения результата в различных сферах деятельности; б) информацию, позволяющую отдохнуть и развлечься; в) информацию в виде теоретических знаний, необходимых для обучения, повышения квалификации; г) информацию – уточнение, необходимую для проверки ранее полученных знаний; д) информацию для удовлетворения потребности в безопасности (Загидуллина, 2012).

Вместе с тем в более широком масштабе необходимость субъекта в информации следует рассматривать в ключе возрастания объема ее потребления и совершенствования ее качества. При этом очевидно, что объем и виды потребляемой субъектом информации пропорциональны не столько его отдельным деятельности, сколько содержанию его жизнедеятельности. Поэтому не только активность, вовлеченность и многоплановость активности субъекта, но и его стремление к преобразованию себя и окружения преобразует информационный обмен, приводит к появлению новых и необычных результатов (Лошилин, Тихомирова, 2018).

Интересно то, что для современного человека высокая зависимость от информации компенсируется средствами ее получения – информационными ресурсами. За тысячелетия человеческой истории они приобрели множество форм воплощения – от наскальных надписей до интеллектуальных систем принятия решений. Но сущностно их инструментальное значение не изменилось. Информационные ресурсы личности обеспечивают высокую скорость получения нужных сведений, гарантируют их относительную бесперебойность, а также качество. Так, для осуществления профессиональной деятельности необходимы первичные источники информации, для осуществления действий – тематические, нужные для получения экспертной информации и принятия решений, фактологические и концептуальные, используемые для организации деятельности. Та-

ким образом, субъекта труда окружает своеобразное информационное поле, отчасти объективно необходимое для выполнения его деятельности, отчасти отвечающее на его субъективные запросы в информации (Тягунов, 2021). Учитывая, что помимо трудовой деятельности информационные ресурсы обеспечивают удовлетворение иных потребностей, потребности субъекта обслуживают и иные источники информации.

Постоянство обращения к информации, частота ее потребления, стабильность в выборе источников, предпочтение одних ресурсов информации другим в совокупности показывает, что информационное поле субъекта можно считать не просто научной абстракцией, а вполне реальной формой взаимодействия субъекта и информации. Его материальные следы – закладки в браузере, переписка в социальных сетях и мессенджерах, «лайки» в видеосервисах – наши по-вседневные спутники не только в делах, но и в отдыхе.

Результаты информационной активности используются всеми участниками взаимодействия, в том числе и ее поставщиками. Так, интернет-сервисы постоянно анализируют поток потребляемой информации, сокращая время доступа к наиболее востребованным сведениям. Вместе с тем они модернизируют информационное поле, фильтруя не запрашиваемую субъектом информацию, взамен наполняя поисковую выдачу сведениями, ассоциативно связанными с пользовательскими интересами. Тем самым информационное пространство гомогенизируется не только по форме представления информации, наиболее удобной для пользователя, но и по ее содержанию.

Взаимодействие с информацией предполагает не только ее восприятие, обработку и использование (Ахметова, 2007), но и выбор источников, форму получения и условия, в которых информация потребляется, а также преобразование информации ее субъектом – трансляцию, изменение или уничтожение. Для этого следует разграничить информационное поле субъекта и его информационное пространство, поскольку данные понятия близки и нередко используются в качестве синонимов. Полагаем возможным отделить одно от другого, руководствуясь одним из приемлемых для этого критериев – критерием взаимодействия, допуская, что информационное пространство предполагает взаимодействие с другими субъектами обработки и преобразования информации (Каткова, 2008). Иначе говоря, информационное пространство полисубъектно, тогда как информационное поле подчинено влиянию одного субъекта, поскольку организовано им самим для удовлетворения собственных потребностей. Такое деление позволяет понять избирательное и преобразующее значение субъекта в оперировании информацией. Если признать центром информационного поля субъекта, становится возможным выявить его влияние не только на работу с информацией, но и, что немаловажно, на его формирование. Информационное поле, в свою очередь, становится репрезентантой субъекта, не только в значении цифрового следа истории ее поиска, но в более значимом ключе отражения преоблада-

иющей направленности, доминирующего состояния, социальных и асоциальных потребностей.

В этом заключается еще один важный довод в пользу разграничения понятий информационного поля и более крупного в своей топологии информационного образования — информационного пространства. «Эгоцентричность» информационного поля раскрывает индивидуальность его субъекта не только в моменте потребления информации, но и в процессе развития личности, показывая, какие предметы составляют область ее внимания; усиливается и ослабевает направленность на разные области окружающего мира.

Анализ междисциплинарных исследований человека-потребителя информации акцентирует внимание на существовании неразрывной связи между ним, ее формой и содержанием, что ясно указывает на наличие у информационного поля не только объективных, но и субъективных характеристик. В частности, состояния потребителя информации могут быть охарактеризованы в когнитивном, эмоциональном и поведенческом аспектах, сопровождающих этапы ее получения, обработки и использования. Возможности восприятия и осмысливания информации ограничивают потребление информации личностью. Следует отметить, что восприятие ограничено не только порогами чувствительности, но и психологическим процессом осмысливания информации. Осознание информации предполагает взаимодействие получаемых знаний с уже имеющимися у воспринимающего ее лица. Разработанная Н.А. Рубакиным библиопсихология демонстрирует субъективизм восприятия информации ее потребителем. Считая, что у книги столько содержаний, сколько у нее читателей, Н.А. Рубакин подчеркивает влияние психологии читателя на понимание информации, поскольку содержание, вложенное его авторами, всегда испытывает некоторую перемену в процессе слушания или чтения (Рубакин, 2006).

Связь потребителя информации с его информационным полем проявляется в широком спектре эмоциональных реакций, поскольку отсутствие доступа к информации вызывает чувство беспокойства, возможно тревоги или страха, обладание информацией — эйфорию и утомление. Переживание связи с информационным полем проявляется в удержании средств коммуникации (например, феномен фаббинга — постоянного отвлечения на гаджет в процессе живой коммуникации с собеседником), практиках по избеганию их использования («цифровой детокс»). Конечно, было бы неправильным ограничить исследование информационно-смыслового поля только направлением анализа восприятия и применения информации. Информация оказывает огромное влияние на личность, не только регулируя состояние человека или вмешиваясь в его деятельность. Информация развивает личность, упрощая или усложняя ее взгляд на окружающую действительность, утончая или оглушая ее восприятие, повышая ее мораль или, наоборот, деморализуя. Характеризуя процесс восприятия искусства и творчества, Л.С. Выготский писал: «Здесь идет сложнейшая конструктивная деятельность, ...заклю-

чающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический образ» (Выготский, 1987, с. 279). Поэтому оправданным является рассмотрение информационного поля не просто с позиции его субъекта, но в более широком контексте *личностных образований*, возникающих из-за необходимости использовать информационно-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности («цифровой абориген»).

Таким образом, рассмотренные теории и концепции обосновывают принципиальные характеристики информационно-смыслового поля личности — его субъективность, отражающую направленность личности во взаимодействии с обществом, социогенный характер информационного поля, опосредованность способностью личности к восприятию и осмысливанию информации. Их рассмотрение составляет вторую задачу нашего исследования, раскрытую в данной статье — концептуализацию информационно-смыслового поля.

Целесообразность разработки концепции информационно-смыслового поля личности вызвана необходимостью научного ответа на несколько проблем, порожденных существованием личности в условиях радикальной информатизации общественных отношений. Концепция должна выступить средством объяснения процессов восприятия потребления и применения информации личностью как субъектом социального функционирования в условиях информационных технологий. Значение информационных технологий представляется существенным не только из-за расширения способов предоставления информации, но, что немаловажно, влияния на форму ее потребления (преобладание аффективной составляющей над когнитивной), соответственно воздействия на возможности личности по ее восприятию, обработке и использованию.

Основываясь на ранее выполненном анализе, мы рассматриваем построение информационно-смыслового поля личности зависимым от трех психологических процессов: (1) получения информации (обусловленной удовлетворением информационной потребности), (2) переработки информации (опосредованной когнитивными возможностями личности) и (3) применения информации личностью. Каждый из процессов вносит свой вклад в формирование информационно-смыслового поля, определяя его ключевые параметры. Рассмотрим их подробнее.

1. *Получение информации* представляется необходимым условием для удовлетворения современным человеком всего объема витальных, социальных и идеальных потребностей (по П.В. Симонову). Информационное поле личности детерминировано потребностью в информации, которая обуславливает не только поиск сведений, но и следующий за ней процесс восприятия, понимания и применения.

Потребность в информации опосредует удовлетворение других потребностей личности, поскольку требует овладения специальными знаниями, использования информационных технологий и средств. Для современного человека значительная часть информа-

ционной потребности удовлетворяется технологически сложным способом, поскольку предполагает использование информационных средств и устройств. В нашем представлении применяемые средства часто образуют инфраструктуру информационного поля, на которую ложатся функции поиска, сбора, обработки, хранения информации. От инфраструктуры во многом зависят формальные характеристики потока информации — ее объем и скорость поступления, однородность либо разнообразие формы ее предоставления.

Данные характеристики в нашем представлении выступают ключевыми параметрами информационной составляющей информационно-смыслоового поля. Объем информации, скорость ее поступления и форма ее предоставления рассматриваются нами в качестве объективных, независимых от личности характеристик информационного поля.

2. Переработка информации. Возможности личности по восприятию и осмыслению информации влияют на информационно-смыслоное поле в той же мере, как и характеристики поступающей информации.

Психологические возможности определяют пределы понимания не только информационного потока, но и содержания информации. В этой связи их следует понимать не только как сумму сенсорно-перцептивных и интеллектуальных характеристик, а характеристик, распространяющихся на всю когнитивную сферу личности, в том числе на представления, знания и умения, установки и убеждения. Более того, отдельные стадии познавательного процесса могут опираться на информационно-смыслоное поле личности в виде записей, заметок, выписок, в таком виде являющихся своего рода вынесенной за пределы личности совокупностью знаний и инструментов для их обработки и оценки.

Поскольку переработка информации личностью предваряет ее использование, изучение психологических характеристик данного процесса в нашем представлении позволяет прогнозировать смысловую составляющую информационного поля личности. Таким образом, компонент переработки информации рассматривается в качестве дополнительного к информационной и смысловой составляющей процесса. В нашем представлении переработка выражается в двух характеристиках — степени относимости сведений к предмету интереса, а также их простоте, не требующей уточнения, разъяснения. Вторым аспектом переработки информации выступает сопоставление полученной информации с имеющимися у субъекта знаниями и оценка их согласованности либо противоречий, а также принятие решений об их правильности либо ошибочности. Полагая, что данные процессы выражают отношение личности к получаемой информации, отметим, что они имеют не только когнитивные, но и социальные механизмы формирования. Под их влиянием информация рассматривается с позиции внешних по отношению к личности критериев, приводя субъекта к выводу о возможности либо невозможности ее использования.

3. Применение информации личностью рассматривается в качестве третьей компоненты, образующей ин-

формационно-смыслоное поле личности. Как уже нами отмечалось выше, информация в современных условиях выступает социально необходимым условием удовлетворения потребностей, поэтому она подвергается оценке с позиций ее ценности относительно уже имеющихся у субъекта сведений, а также полезности ее применения для получения результата (Андреева, 2005).

Безусловно, смысловая характеристика топологии информационного поля личности будет неполной без выявления того, как личность оценивает получающую информацию, сопоставляя ее с индивидуальными представлениями. Ведь применение информации предполагает не только ее осмысление в процессе поступления, но и переработку относительно массива сведений, которыми уже обладает субъект. Концепция информационно-смыслоового поля позволяет выстроить параллель между этими процессами, показывая, в какой мере они согласуются, а в какой могут противоречить друг другу. В последнем случае субъект должен предпринимать шаги по преодолению конфликта смыслов новой и старой информации.

С учетом этого целесообразно допустить преобразование информационного поля личности, исходя из субъективного значения (смысла), придаваемого находящимся в нем сведениям. Соответственно, изучение информационно-смыслоового поля через оценку значения информации для личности может помочь в понимании его топологии, например обнаружить ценностное информационное ядро (ядра) и незначимую периферию, что, в свою очередь, открывает возможности для изучения актуального состояния личности. Далее, с позиции применения информации могут быть выделены инфраструктурный и смысловой уровни информационно-смыслоового поля. Так, обретение полезной информации сопровождается осознанием ее ценности и предвосхищением положительного результата. На уровне архитектуры информационно-смыслоового поля оно будет выражаться в предпочтении определенных источников информации и форм ее предоставления. Незначимая и бесполезная информация будет осознаваться личностью как демотивирующая и приводящая к неудаче. Соответственно и на личностном уровне, и на уровне представляющих ее средств и источников подобная информация будет вытесняться, игнорироваться, забываться.

Таким образом, информационно-смыслоовое поле личности в нашем представлении возникает вследствие использования личностью информационных технологий и средств для удовлетворения потребностей. В его основании находятся процессы взаимодействия личности и информации, влияющие на ее получение, переработку и применение.

* * *

Завершая наш анализ, можно заключить, что уже в таком виде он позволяет приблизиться к пониманию современных отношений между личностью и информацией, возникающих вследствие увеличива-

ющегося значения коммуникативных, медийных и знаниевых технологий для существования современного общества и функционирования его институтов. Информационно-смыслоное поле в предлагаемой нами концептуализации раскрывает и различные стороны внутреннего мира личности, и способности воспринимать, перерабатывать и распоряжаться содержанием социальной информации. Продуктивность предлагаемой концепции — еще и в возможности перехода от рассуждений к исследованию.

Ближайшие перспективы использования концепции информационно-смыслоового поля связаны с ее значением для понимания процесса социального познания и социального функционирования личности в современном обществе, диагностики способности личности обрабатывать и применять информацию. Решение этих задач осуществляется нами в операционализации конструкта и разработке на его основе методики оценки параметров информационно-смыслоового поля.

В развитие идей статьи нами разработан и апробируется психодиагностический опросник для характеристики информационно-смыслоового поля. На этапе пилотного варианта опросник включает 12 индикаторов, характеризующих процессы получения, обработки и применения информации личностью, в совокупности образующих ее информационно-смыслоное поле. Каждый индикатор измеряется по семибалльной биполярной оценочной шкале (по типу семантического дифференциала). К примеру, для диагностики получения информации используются диахотомические характеристики (информации «недостаточно—избыточно», она поступает «медленно—быстро», ее источники «однородны—различны» и др.). Респондент выбирает из противоположных по значению характеристик наиболее близкую к его мнению. Всего пилотный вариант состоит из 12 ин-

дикаторов-субшкал, сгруппированных в 3 шкалы (Получение информации, Обработка информации и Применение информации), а также обобщающего их суммарного показателя характеристик информационно-смыслоового поля личности.

Пилотный вариант был проверен на выборке из 440 человек, различающихся условиями доступа к информации, возможностями по ее обработке и применению. Соблюдение этого условия является ключевым для выявления фундаментальных различий в архитектуре информационно-смыслоового поля личности, существующей в разнородном и регламентированном информационном пространстве.

Результаты факторизации подтвердили состоятельность теоретической модели опросника информационно-смыслоового пространства из трех шкал. При этом они показали на возможность упрощения пилотного варианта опросника путем исключения 3 смежных по смыслу и конкурирующих между собой индикаторов. За счет этого их общее количество снизилось с 12 до 9, что повысило доступность стимульного материала опросника для обследуемых, сократило время его заполнения.

В целом, апробация продемонстрировала возможности использования опросника ИСП для опытно-экспериментальной работы. Кроме того, она выявила перспективы совершенствования психометрических характеристик опросника. В частности, предстоит проверка внешней валидности опросника, оценка его дискриминантных возможностей путем изучения различий в выборках лиц, имеющих разный доступ к информации, отличающихся способностями по ее обработке и возможностями применения.

Инструментарий, ход и результаты исследования предполагается подробно охарактеризовать в отдельной статье.

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2005). *Психология социального познания*. М.: Аспект Пресс.
Andreeva, G.M. (2005). *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspect Press.
2. Ахметова, Д.Н. (2007). Специфика взаимодействия с информационным полем в информационно-коммуникативной профессиональной деятельности. *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*, 2(3), 26–27.
Akhmetova, D.N. (2007). The specifics of interaction with the information field in information and communication professional activities. *The human factor: Problems of Psychology and Ergonomics*, 2(3), 26–27.
3. Баткин, Л.М (1989). *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. М.: Наука.
Batkin, L.M. (1989). *Italian Renaissance in Search of Individuality*. Moscow: Nauka.
4. Бубер, М. (2025). *Я и Ты*. М.: ACT.
Buber, M. (2025). *Me and You*. Moscow: AST.
5. Выготский, Л.С. (1978). Из записок-конспекта Л.С. Выготского к лекциям по психологии детей дошкольного возраста. В: Эльконин Д.Б. *Психология игры* (с. 289–294). М.: Педагогика.
6. Выготский, Л.С. (1982). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 1. Исторический смысл психологического кризиса* (с. 291–436). М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1982). *Collected works: In 6 volumes: Volume 1. The historical meaning of the psychological crisis* (pp. 291–436). Moscow: Pedagogika.
7. Выготский, Л.С. (1983). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 4. Вопросы детской (возрастной) психологии*. М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1983). *Collected works: In 6 volumes: Volume 4. Questions of child (age) psychology*. Moscow: Pedagogika.
8. Выготский, Л.С. (1984а). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 4. Детская психология* (Д.Б. Эльконин, ред.). М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1984a). *Collected works: In 6 volumes: Volume 4. Child psychology* (D.B. Elkonin, ed.). Moscow: Pedagogika.
9. Выготский, Л.С. (1984б). *Собрание сочинений: В 6 т. Том 6. Научное наследие* (М.Г. Ярошевский, ред.). М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1984b). *Collected works: in 6 volumes: Volume 6. Scientific heritage*. (M.G. Yaroshevsky, ed.). Moscow: Pedagogika.

10. Выготский, Л.С. (1987). *Психология искусства*. (М.Г. Ярошевский, ред.). М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1987). *Psychology of art* (M.G. Yaroshevsky, ed.). Moscow: Pedagogika.
11. Выготский, Л.С. (2004). *Психология развития ребенка*. М.: Смысл; Эксмо.
Vygotsky, L.S. (2004). *Psychology of child development*. Moscow: Smysl Publishing House; Eksmo Publishing House.
12. Выготский, Л.С. (2005). *Психология развития человека*. М.: Смысл; Эксмо.
Vygotsky, L.S. (2005). *Psychology of human development*. Moscow: Smysl Publishing House; Eksmo Publishing House.
13. Загидуллина, М.В. (2012). Информационная потребность как теоретическая проблема. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*, 3(10), 194–200.
Zagidullina, M.V. (2012). Information need as a theoretical problem. *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University*, 3(10), 194–200.
14. Карьялайнен, К.Ф. (1995). *Религия югорских народов*. Томск: Изд-во Томского ун-та.
Karjalainen, K.F. (1995). *Religion of the Ugric peoples*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University.
15. Каткова, М.В. (2008). Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 2, 23–26.
Katkova, M.V. (2008). The concept of “information space” in modern social philosophy. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogika*, 2, 23–26.
16. Кудрявцев, В.Т. (2023). В начале были смыслы. *Образовательная политика*, 3(95), 124–132.
Kudryavtsev, V.T. (2023). There were meanings in the beginning. *Educational Policy*, 3(95), 124–132.
17. Левин, К. (2000). *Теория поля в социальных науках*. СПб.: Сенсор.
Levin, K. (2000). *Field theory in social sciences*. St. Petersburg: Sensor.
18. Леонтьев, А.Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.
Leontiev, A.N. (1975). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Politizdat.
19. Леонтьев, Д.А. (2003). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. 2-е изд., испр. М.: Смысл.
Leontiev, D.A. (2003). *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality*. 2nd, ispr. ed. Moscow: Sense.
20. Лехтисало, Т. (1998). *Мифология юрako-самоедов (ненцев)*. Томск: Изд-во Томского ун-та.
Lekhtisalo, T. (1998). *The mythology of the Juraco-Samoyeds (Nenets)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University.
21. Лошилин, А.Н., Тихомирова, Е.А. (2018). Роль потребностей и интересов в творчестве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 4(808), 101–111.
Loshchilin, A.N., Tikhomirova, E.A. (2018). The role of needs and interests in creativity. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*, 4(808), 101–111.
22. Мигунов, А.С. (2000). *Философия маргинальности. Политгнозис*, 2, 14–25.
Migunov, A.S. (2000). The philosophy of marginality. *Political Prognosis*, 2, 14–25.
23. Мид, М. (1988). *Культура и мир детства. Избр. произв* (Ю.А. Асеев, ред.). М.: Прогресс.
Mid, M. (1988). *Culture and the world of childhood* (Yu.A. Aseev, ed.). Moscow: Progress.
24. Мясищев, В.Н. (2024). *Личность и неврозы*. М.: Книга по требованию.
Myasishchev, V.N. (2024). *Personality and neuroses*. Moscow: Book on demand.
25. Павич, М. (2022). *Хазарский словарь*. М.: Иностраница.
Pavich, M. (2022). *Khazar dictionary*. Moscow: Inostranka.
26. Рубакин, Н.А. (2006). *Библиологическая психология*. М.: Академический проект; Трикста.
Rubakin, N.A. (2006). *Bibliological psychology*. Moscow: Academic project; Triksta.
27. Соколов, А.В. (2002). *Общая теория социальной коммуникации: Учеб. пособие*. СПб: Изд-во Михайлова В.А.
Sokolov, A.V. (2002). *General theory of social communication: textbook*. St. Petersburg: Publishing house of Mikhailov V.A.
28. Соколов, А.В. (2013). Что есть информационная потребность? *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 197, 7–18.
Sokolov, A.V. (2013). What is the information need? *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 197, 7–18.
29. Тягунов, А.М. (2021). Информационные потребности как отношения в информационном поле. *Образовательные ресурсы и технологии*, 2(35), 50–56.
Tyagunov, A.M. (2021). Information needs as relations in the information field. *Educational Resources and Technologies*, 2(35), 50–56.
30. Хейзинга, Й. (1992). *Homo ludens. В тени завтрашнего дня* (Г.М. Тавризян, ред.). М.: Прогресс; Прогресс-Академия.
Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. In the shadow of tomorrow* (G.M. Tavrizyan, ed.). Moscow: Progress Publishing Group, Progress Academy.
31. Хлебников, В. (1986). Радио будущего. В: М.Я. Поляков, В.П. Григорьев, А.Е. Парнис (ред.), *Творения* (с. 637–642). М.: Советский писатель.
Khlebnikov, V. (1986). Radio of the future. In: M.Ya. Polyakov, V.P. Grigoriev, A.E. Parnis (ed.), *Creations* (pp. 637–642). Moscow: Soviet Writer.
32. Цветков, В.Я. (2017). Модель информационной ситуации. *Перспективы науки и образования*, 3(27), 13–19.
Tsvetkov, V.Ya. (2017). The information situation model. *Perspectives of Science and Education*, 3(27), 13–19.
33. Эльконин, Д.Б. (1989). *Избр. психол. труды*. М.: Педагогика.
Elkonin, D.B. (1989). *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika.
34. Taylor, R.S. (1962). Process of Asking Questions. *American Documentation*, 13, 391–396. <http://dx.doi.org/10.1002/asi.5090130405>

Информация об авторах

Владимир Товиевич Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); профессор, Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

Кирилл Витальевич Злоказов, доктор психологических наук, доцент, начальник, научно-исследовательский отдел, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург; Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Сергей Николаевич Ениколопов, кандидат психологических наук, зав. лабораторией, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); руководитель отдела клинической психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Наталья Владимировна Мешкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Марина Сергеевна Рыбакова, младший научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1622-7715>, e-mail: ryb-mar@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir T. Kudryavtsev, Doctor of Psychology, Professor of the UNESCO Chair “Cultural-Historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology and Education; Professor, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, email: vtkud@mail.ru

Kirill V. Zlokazov, Doctor of Psychology, Docent, Head, Research Department, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov, Candidate of Science (Psychology), Head of Laboratory, Moscow State University of Psychology and Education; Head of Clinical Psychology Department, Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Natalya V. Meshkova, PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Marina S. Rybakova, Junior Researcher at the Laboratory, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1622-7715>, e-mail: ryb-mar@yandex.ru

Вклад авторов

Кудрявцев В.Т. — идеи теоретического анализа; аннотирование, написание рукописи.

Злоказов К.В. — идеи исследования; написание раздела рукописи, проведение эмпирического исследования, описание результатов эмпирического исследования.

Ениколопов С.Н. — идеи исследования; написание раздела рукописи, планирование исследования; контроль за проведением исследования, анализ полученных результатов.

Мешкова Н.В. — идеи исследования; проведение эмпирического исследования, описание полученных данных, оформление рукописи.

Рыбакова М.С. — участие в разработке трехмерной модели предмета исследования и подготовка списка литературы.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Vladimir T. Kudryavtsev— ideas of theoretical analysis; annotation, manuscript writing.

Kirill V. Zlokazov — research ideas; writing a section of the manuscript, conducting an empirical study, describing the results of an empirical study.

Sergei N. Enikolopov— research ideas; writing a section of the manuscript, planning the research; monitoring the research, analyzing the results.

Natalya V. Meshkova— research ideas; conducting empirical research, description of the data obtained, design of the manuscript.

Marina S. Rybakova— preparation of the scheme and references.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.06.2025

Поступила после рецензирования 25.06.2025

Принята к публикации 27.06.2025

Опубликована 30.06.2025

Received 2025.18.06

Revised 2025.06.25

Accepted 2025.06.27

Published 2025.06.30